

УДК 940.5

doi: 10.25730/VSU.2070.18.055

Наследие империи: Советская Россия на Международной Генуэзской конференции 1922 г.

Н. Е. Быстрова

доктор исторических наук, ученый секретарь, Институт российской истории РАН.
Россия, г. Москва. E-mail: iriran@mail.ru

Аннотация. В статье на новом архивном материале показаны малоизвестные аспекты дипломатической предыстории и истории Генуэзской конференции 1922 г., которая стала первой серьезной попыткой нормализации политических и экономических отношений между Советской Россией и странами Запада после мировой войны. Урок и опыт Генуи не потеряли своей актуальности, выходя аналогиями на современность; остается актуальным и в XXI веке стремление к преодолению идей конфронтации и созданию нового мирового порядка.

В статье показана подготовительная работа по выработке тактики российской делегации, ее программы, в частности поиск границ возможных уступок со стороны Советской России требованиям европейских держав в качестве условий оказания ей финансовой помощи; передана суть тактических разногласий западных держав в оценке «русского вопроса». Российская империя в 1917 г. распалась, но остались ее долги. Автор освещает конфиденциальные переговоры советских делегатов на конференции по вопросу о долгах царского и Временного правительств России с главами Великобритании, Франции, Италии и Бельгии на вилле Альбертис, а также советско-германский Рапальский договор – первый серьезный прорыв в торгово-экономической блокаде Советской России, получившей в наследство долги исчезнувшей Империи.

Решить русскую проблему – урегулирование экономических вопросов, связанных с государственными долгами бывшей Российской империи и Временного правительства, – в Генуе не удалось. В статье показано, что признание долгов довоенного и военного времени делегация Советской России ставила в зависимость от предоставления ей кредитов; в вопросе о национализированном иностранном имуществе она не шла ни на какие уступки. В течение всех переговоров советская сторона настаивала на взаимности и равноправии, но заранее заявляла протест против вмешательства во внутренние дела России. В Генуе взяла верх неуступчивая франко-бельгийская позиция в отношении российских долгов над компромиссной линией Великобритании. Основной вопрос советского правительства на этой конференции – о предоставлении займов – западные страны обсуждать отказались. Для Советской России путь развития экономических отношений за счет принципиальных экономических и политических уступок, на которых настаивал Запад, был неприемлем. Однако Генуэзская конференция для Новой России не была бесплодной: страна впервые после революции, преодолев блокаду, возвратилась в ряды субъектов мировой политики.

Ключевые слова: Русский вопрос, долги, контрпретензии, Рапалло, мирное сосуществование.

Международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, проходившая с 10 апреля по 19 мая 1922 г. в Генуе (Италия), стала важным событием в истории международных отношений и российской дипломатии первой четверти XX в. Россия впервые громко заявила о своих принципах взаимоотношений с Западом: о стремлении развивать взаимовыгодные торгово-экономические отношения со всеми странами независимо от их социально-экономического и политического строя и о готовности противостоять любому экономическому, политическому и военному давлению. Конференция стала первой серьезной попыткой нормализации политических и экономических отношений между Советской Россией и странами Запада.

10 апреля 1922 г. в Генуе под сводами палаццо Сан-Джорджо открылась конференция по вопросам экономического восстановления Центральной и Восточной Европы, в которой участвовали представители 28 европейских стран, Японии и 5 британских доминионов – Австралии, Индии, Канады, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза. Это была первая послевоенная общеевропейская конференция, в которой приняли участие как победившие, так и побежденные государства, а также Советская Россия. «Русский вопрос» был одним из основных на конференции. Дипломатическая предыстория этого форума, суть тактических разногласий великих держав в оценке «русского вопроса» – все это по-прежнему представляет интерес для ис-

следователей, а труды предшественников и новейшая литература [21; 17; 11; 20; 1; 14; 5; 15; 22; 7; 8], а также документальные публикации и архивные материалы из фондов Архива внешней политики РФ и Научного архива Института российской истории РАН, часть которых впервые вводится в научный оборот, помогают по-новому раскрыть подготовительную работу по определению задач российской делегации, выработке ее тактики; экономической программы, в частности, поиску границ возможных уступок со стороны России на требования европейских держав в качестве условий оказания ей финансово-экономической помощи.

В конце 1921 г. под воздействием больших экономических трудностей, связанных с охватившими страну засухой и голодом, которые грозили перерасти в национальную катастрофу, с учетом необходимости урегулировать взаимоотношения с ведущими капиталистическими государствами, добиться их признания и получения займов (экономика остро нуждалась в иностранных инвестициях) советские руководители начали трансформировать свою позицию по ряду важных международных проблем. На заседании Политбюро РКП(б) 27 октября 1921 г. после обсуждения вопроса о довоенных долгах царской России было принято решение о возможности признания обязательств России по долгам, определенным государствам, за исключением военных долгов, но только при условии признания советских контрпретензий, возмещения причиненного ущерба в период интервенции и блокады, предоставления кредитов Советской России и юридического признания Советского правительства [9, с. 557]. Данный вопрос обсуждался в связи с тем, что на проходившей в начале октября 1921 г. Брюссельской конференции стран Согласия признание долгов было выдвинуто основным условием организации помощи голодающим в России. Предоставление финансовых и торговых кредитов, экспорт товаров в Советскую Россию в целях борьбы с голодом ставились странами Запада в зависимость от создания экономических условий, которые гарантировали бы внутри России «нормальное производство и правильный обмен всякого рода товаров», завоевания доверия западных деловых кругов [20, с. 248].

28 октября 1921 г. правительство РСФСР направило правительствам Англии, Франции, Италии, Японии и США ноту, в которой подчеркивалось, что политика делового сотрудничества с другими странами является одной из основных целей советской дипломатии и выражалось согласие обсудить вопрос о признании довоенных долгов царского правительства Российской империи на условиях прекращения всяких действий, угрожающих безопасности советских республик, гарантии неприкосновенности их границ, рассмотрения взаимных претензий и заключения окончательного мирного договора. Для обсуждения этих вопросов Советское правительство предлагало созвать международную конференцию [2, с. 445–447]. Таким образом, первоначальный толчок к подготовке Генуэзской конференции был дан Советской Россией.

Ответ на советское предложение от западных стран поступил далеко не сразу: лишь после серии дипломатических переговоров и консультаций 6 января 1922 г. на заседании в Каннах Верховный совет Антанты принял решение созвать международную экономическую и финансовую конференцию с участием всех европейских держав, включая Советскую Россию. В своем приглашении державы Согласия выразили необходимость личного присутствия на мероприятии Ленина¹. От России требовали безоговорочного признания всех довоенных долгов бывшей Российской империи. Несмотря на то что это требование не соответствовало ее национальным интересам, Россия согласилась участвовать в этой конференции и принять каннские условия, в особенности пункт о невмешательстве одних государств во внутренние дела других государств [3, с. 58–59].

7 января 1922 г. по поручению Верховного совета Антанты итальянское правительство передало в Москву через российскую торговую делегацию в Риме председателю Совета народных комиссаров В. И. Ленину и народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину телеграмму: «Вследствие принятого на днях Верховным Советом решения, в Италии в марте созывается экономическо-финансовая конференция, в которой примут участие все европейские государства. Итальянское правительство, в согласии с правительством Великобритании, считает, что личное участие в этой конференции Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом равновесии Европы»². Королевское министерство иностранных дел просило российскую торговую делегацию «самым срочным образом» сообщить в Москву о желании правительства, чтобы Ленин принял участие в конференции.

¹ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 2. П. 8. Л. 1.

² Научный архив ИРИ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 26 (Д-3). Л. 71.

Советское руководство не замедлило с ответом. 8 января Чичерин направил ответную телеграмму Министерству иностранных дел Италии, в которой отмечалось, что Российское правительство с удовлетворением принимает приглашение на европейскую конференцию, созываемую в марте. «Выбору российской делегации будет предшествовать чрезвычайная сессия ВЦИК, – сообщалось в телеграмме, – которая снабдит ее самыми широкими полномочиями. Даже в том случае, если бы председатель СНК Ленин, вследствие перегруженности работой, в особенности в связи с голодом, был лишен возможности покинуть Россию, тем не менее состав делегации, равно как и размеры предоставленных ей полномочий, придадут ей такой же авторитет, какой она имела бы, если бы в ней участвовал Ленин. Таким образом, ни в коем случае со стороны России не будет каких-либо препятствий к быстрому ходу работ конференции» [3, с. 47]. Чичерин отметил также, что Верховный Совет предложил Геную для созыва европейской конференции, но Российское правительство считало этот город слишком отдаленным и лишенным достаточных средств для отношений с Россией и предлагало в качестве места проведения конференции Лондон.

В январе-феврале 1922 г. произошла смена правительств в ряде европейских стран: Франции, Италии, Польше, Австрии и Греции. Большие трудности испытывал кабинет Д. Ллойд Джорджа в Великобритании. Это в значительной степени привело к переносу сроков проведения Генуэзской конференции на более поздний период – 10 апреля.

15 марта 1922 г. Чичерин отправил правительствам стран Антанты ноту, в которой указывалось, что правительство РСФСР с удовлетворением приняло созыв Генуэзской конференции, усматривая в этом факте доказательство того, что великие державы поняли, наконец, до какой степени политическая и экономическая блокада России бесполезна и вредна, и убедились в необходимости восстановления нормальных отношений с ней в интересах всеобщего мира и создания фундамента для хозяйственного развития всех стран³. Чичерин свое понимание экономического сотрудничества со странами Антанты выразил формулой: сделка, но не кабала.

Важной вехой на пути к Генуе стало лондонское совещание экономических и финансовых экспертов 20–28 марта 1922 г. по выработке общего пакета требований к Советской России. Подготовленные проекты резолюций по разным вопросам были сведены в общий документ, который на Генуэзской конференции фигурировал как Лондонский меморандум [3, с. 245–259]. Меморандум включал 61 статью, которые были сгруппированы в две части. Часть 1 – «Восстановление России» – содержала несколько разделов. Раздел первый – «Вступление». Второй раздел – «Условия, при которых иностранные предприятия и иностранный капитал могут быть привлечены к делу восстановления России»; раздел третий – «Меры, которые обеспечили бы быстрое восстановление России». Часть 2 – «Восстановление Европы» (разделы: финансы, экономические вопросы, транспорт). «Хозяйственное восстановление России в значительной мере зависит от поддержки, которую Россия получит от иностранных предприятий и иностранного капитала», – сообщалось в меморандуме [3, с. 245]. Иностранный капитал в России должен был получить надежную защиту со стороны государства и иметь необходимую свободу операций, в том числе операций по вводу и вывозу товаров. До начала конференции этот документ не только не был доведен до сведения советского правительства, но даже сам факт его подготовки держался в секрете.

Условия стран Запада к России можно разделить на две большие группы. Первая – условия, связанные с ликвидацией последствий прошлого, вторая группа – условия, необходимые для будущего. Если коротко, то условия по ликвидации последствий прошлого сводились к погашению Россией перед иностранцами тех обязательств, которые возникли как при царском и Временном правительствах, так и при советской власти. Для оценки величины обязательств Советской России перед иностранцами и определения порядка их погашения Лондонский меморандум предусматривал создание Комиссии русского долга. Предполагалось, что в Комиссии будет представитель РСФСР, другими же ее членами должны быть иностранцы. Ее председателя назначала Лига наций, членом которой РСФСР не был. В дополнение к Комиссии предлагалось создать смешанные третейские суды, которые также должны были заниматься урегулированием долгов России; контроль в судах был за иностранными представителями. Требование отмены государственной монополии внешней торговли было вторым по важности условием западных стран после требования признания Советской Россией внешних долгов царского и Временного правительств.

³ Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 20-в (Д -3). Л. 41.

Своим участием в конференции Россия прежде всего желала добиться признания страны западными странами. Признание должно было облегчить торговлю и получение кредитов, и если не уничтожить, то, по крайней мере, ослабить торгово-экономическую блокаду. Европейская дипломатия прибыла в Геную для обсуждения вопросов о мирном урегулировании политических и хозяйственных отношений с Советской Россией. Не случайно из четырех созданных экспертных комиссий первой была политическая, или «русская» (другие – финансовая, экономическая и транспортная).

27 января 1922 г. на чрезвычайной сессии ВЦИК РСФСР был утвержден состав советской делегации на Генуэзскую конференцию. Председателем был утвержден В. И. Ленин, его заместителем был назначен нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. В состав делегации входили М. М. Литвинов, Л. Б. Красин, В. В. Воровский, А. А. Иоффе, Я. Э., Рудзутак, Х. Г. Раковский, Н. Н. Нариманов, А. Г. Шляпников, Б. Е. Штейн и другие. Всего в составе делегации был 31 человек⁴. В связи с ухудшившимся состоянием здоровья Ленина и по соображениям безопасности он в Геную не приехал, полномочия главы делегации были в конечном счете переданы Чичерину [3, с. 67].

Выделяя основную задачу советской делегации, Ленин отмечал: «Мы с самого начала заявляли, что Геную приветствуем и на нее идем; мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами, безусловно, необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия для торговли и только» [10, с. 2]. «Но всякий купец в известной степени учитывает политику⁵», – говорил он.

Главные инструкции и директивы для российской делегации были выработаны и сформулированы В. И. Лениным и в основном одобрены Политбюро ЦК: выступать за установление и расширение деловых связей с капиталистическими государствами, не принимая при этом никаких условий и требований, ущемляющих суверенитет Советского государства, не делать принципиальных уступок, связанных с завоеваниями революции; при известных условиях идти на переговоры с западными странами относительно уплаты довоенных долгов; при первой же возможности постараться расколоть единый фронт капиталистических государств, противопоставляя ему единство советских республик; с учетом стремления народных масс всех стран к всеобщему миру, использовать трибуну конференции для обновления широкой миролюбивой программы, предлагаемой советской стороной, поддерживая при этом пацифистское крыло зарубежной общественности [14, с. 125].

Формально, в Геную была приглашена делегация РСФСР. Между тем решения, которые должны были приниматься на конференции, могли затрагивать интересы соседних стран, не успевших еще объединиться в единое союзное государство – СССР. 22 февраля 1922 г. 8 советских и народных республик: Азербайджан, Армения, Грузия, Белоруссия, Украина, Хорезмская, Бухарская, Дальневосточная – заключили с РСФСР соглашения, согласно которым российскому правительству поручалось представлять и защищать на конференции их права, подписывать от их имени договоры и соглашения с иностранными государствами⁶. Таким образом были расширены полномочия делегации Советской России.

Подготовка к конференции велась по нескольким направлениям: 1) оценка сумм долгов, которые возникли в результате получения кредитов и займов в период до начала Первой мировой войны (царские долги) и в период Первой мировой войны (военные долги); 2) оценка сумм имущества, принадлежавшего иностранцам в России (акционерный капитал, неакционерные формы собственности) до прихода к власти большевиков; 3) оценка ущерба, который был причинен России в результате интервенции и торгово-экономической блокады со стороны стран Антанты; 4) оценка потребностей Советской России в новых кредитах и займах, подготовка концессионных предложений; 5) прочие экономические вопросы (в том числе предложения по формированию послевоенной международной валютно-финансовой системы); 6) политические вопросы (мирный договор, статус Лиги наций, предложения о всеобщем разоружении и др.) [9, с. 382–384; 6, с. 58].

Главными инициаторами кампании давления на Россию с целью признания ею долгов царского и Временного правительств были Франция и Великобритания, бывшие ее союзники

⁴ АВП РФ. Ф. 0418. О. 1. П. 2. Д. 25. Л. 60; ДВП СССР. Т. 5. С. 66-67

⁵ Известия. 8 марта 1922 г.

⁶ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 8. Д. 9. Л. 28-29

по Антанте. Францию больше волновали довоенные долги, Великобританию – долги по военным кредитам. Общая сумма внешних долговых обязательств России перед странами Антанты на начало 1922 г. по оценкам, которые представила на конференции советская делегация, составила 18,5 млрд золотых рублей [3]. Денежная оценка ущерба от интервенции и блокады Советской России в 1918–1922 гг. составила (по подсчетам советских экспертов) 39 млрд рублей [3, с. 295, 739]. Сумма претензий Советской России была определена в результате более чем двухлетней работы государственных и научно-исследовательских организаций. В начале мая в Генуе советской делегацией был распространен документ «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду» [3, с. 293–359].

Для экспертов и всего вспомогательного персонала российской делегации на заседании комиссии по подготовке Генуэзской конференции 22 марта 1922 г. была принята инструкция, в которой указывалось, что при враждебности буржуазных кругов к советской власти каждый неудачный шаг любого советского работника ложится клеймом на советскую власть; учитывая это, всем едущим за границу советским работникам предписывалось быть осторожными во всех своих действиях и поступках, даже в частной жизни, и избегать всего, что могло бы быть использовано во вред рабоче-крестьянской власти. В связи с этим, в целях успешного прохождения работ делегации и во избежание всяких нежелательных инцидентов со стороны враждебных элементов во время пребывания российской делегации за границей, устанавливались обязательные для экспертов и всего вспомогательного персонала правила. В частности, в случае остановки в каком-либо иностранном городе отлучки в город допускались не иначе, как с ведома старшего секретаря делегации; во время пребывания делегации за границей экспертам и всему без исключения вспомогательному персоналу запрещались публичные выступления (статьи в прессе о работах делегации, интервью, лекции и прочее). Исключения допускались только с особого разрешения председателя (зампредседателя) делегации или члена делегации, уполномоченного на это председателем делегации. Запрещалось без ведома генерального секретаря или старшего секретаря делегации посещение каких-либо правительственных или общественных учреждений, а также организаций (политических, партийных, профессиональных, научных, спортивных и др.); посещение публичных митингов и собраний, а также публичное на них выступление; прием у себя и посещение кого бы то ни было; посещение театров, концертов, ресторанов, кафе и т. п. мест; посылка в Россию статей и телеграмм для прессы; упоминание в частных письмах чего-либо о Генуэзской конференции; запрещалась передача или раздача где бы то ни было и кому бы то ни было литературы агитационного содержания⁷.

Среди делегаций западных стран ведущую роль играли представители Великобритании во главе с премьер-министром Ллойд Джорджем, Франции – во главе с министром юстиции и одновременно министром по делам Лотарингии и Эльзаса Луи Барту, Италии (как принимавшей стороны), Бельгии, Японии. США формально в работе конференции не участвовали, но послали на нее своего наблюдателя.

Первый день работы конференции 10 апреля 1922 г. проходил в режиме пленарного заседания. Открыл его председатель – премьер-министр Италии Л. Факта. Он говорил об экономическом кризисе, переживаемом Европой, о необходимости братского единения между народами. «Имеются страны в Центральной и Восточной Европе, – сказал Факта, – которые, к несчастью для них и для нас, вышли из экономической жизни Европы, и в первую очередь Россия, которая всегда имела и должна иметь в будущем важнейшие функции в европейской хозяйственной жизни. Для прекращения такого ненормального положения нужно рассмотреть все необходимые средства»⁸. После него выступил Ллойд Джордж. В своей речи он тоже говорил о необходимости восстановления экономики Европы. Выступавший от имени Франции Жан-Луи Барту отметил в своей речи: Франция понимает, что необходимо предпринять совместные шаги для спасения Европы, что она «не воодушевлена национальным эгоизмом и не претендует ни на какую гегемонию»⁹. Однако он предостерег участников конференции от обсуждения существовавших договоров, опасаясь, видимо, перекройки Версальского мирного договора.

Г. В. Чичерин выступал седьмым, но его выступление оказалось в центре внимания участников пленарного заседания. В декларации советской делегации, прочитанной им сна-

⁷ АВР РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 26. П. 2. Л. 156-157.

⁸ Международная жизнь НКВД № 6. 1922 // Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 51.

⁹ Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 51.

чала на французском, а затем на английском языке, говорилось о том, что российская делегация, которая представляет правительство, всегда поддерживающее дело мира, с особым удовлетворением приветствует заявление предыдущих ораторов о необходимости мира и присоединяется к заявлению премьер-министра Италии о том, что здесь нет ни победителей, ни побежденных, и премьер-министра Великобритании, что все находятся здесь на основе полного равенства. Делегация считает нужным прежде всего заявить, что явилась сюда в интересах мира и всеобщего восстановления хозяйственной жизни Европы, разрушенной долголетней войной и послевоенной политикой [3, с. 191]. Оставаясь на позиции принципов коммунизма, Российская делегация признавала, что в период, когда возможно параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представлявшими две системы собственности, повелительно необходимо для всеобщего экономического восстановления. Именно поэтому российское правительство придавало важное значение первому пункту Каннской резолюции о взаимном признании различных систем собственности и разных политических и экономических формах, существовавших в разных странах [3, с. 192].

Чичерин изложил советскую программу мирного сосуществования двух социальных систем на основе делового сотрудничества между ними. Он подчеркнул, что «российская делегация явилась сюда не для того, чтобы пропагандировать свои собственные теоретические воззрения, а ради вступления в деловые отношения с правительствами и торгово-промышленными кругами всех стран на основе взаимности, равноправия и полного безоговорочного признания» [3, с. 192]. Как отметил Г. Киссинджер, Чичерин провозгласил «мирное сосуществование» в таких выражениях, которые ставили практическое сотрудничество превыше идеологических требований [7, с. 234]. Нарком говорил о том, что экономическое восстановление России, самой крупной из европейских стран, располагающей богатейшими природными ресурсами, является неперенным условием всеобщего экономического восстановления и что Советская Россия со своей стороны заявляет о готовности содействовать разрешению стоящей перед конференцией задачи всеми находящимися в ее распоряжении не малыми средствами. В частности, российское правительство выразило готовность открыть границы для мировых транзитных путей, предоставить под обработку миллионы десятин плодороднейшей земли, богатейшие лесные, каменноугольные, рудные и иные концессии на всей территории РСФСР, особенно в Сибири, а также наметило такое сотрудничество европейской промышленности с сельским хозяйством и промышленностью России и Сибири, которое бы расширило сырьевую, хлебную и топливную базу европейской промышленности далеко за пределы ее довоенных размеров¹⁰.

Одновременно с призывом о сотрудничестве Чичерин предложил до того всеобъемлющую повестку дня конференции, что «ее нельзя было ни практически претворить в жизнь, ни проигнорировать со стороны демократических правительств» [7, с. 234]: она включала в себя ликвидацию оружия массового уничтожения, созыв международной экономической конференции и введение международного контроля на водных путях. Глава российской делегации отметил, что экономические вопросы неотделимы от политических проблем, поэтому всякие усилия, направленные на восстановление мирового хозяйства, будут тщетны до тех пор, пока над Европой и над миром будет висеть дамоклов меч угрозы новых войн¹¹. Россия выразила готовность способствовать упрочению мира, предложив программу установления всеобщего мира – сокращение вооружений и вооруженных сил, а также полное запрещение наиболее варварских форм ведения войны: ядовитых газов, воздушной вооруженной борьбы и т. д., особенно применения разрушительных средств против мирного населения. Чичерин, внося предложение о проведении общего сокращения вооружений и армий всех государств, высказал готовность самой России провести сокращение вооружений при условии полной взаимности и создания для нее необходимых гарантий от нападений и вмешательства во внутренние дела.

Приветствуя первую всеевропейскую конференцию и предложение Ллойд Джорджа о периодических созывах таких конференций в будущем, Чичерин указал на необходимость расширения их базы за счет включения в число участников всех народов. Установление же всеобщего мира, по его мнению, должно было проводиться Всемирным конгрессом на основе полного равенства народов и признания за всеми угнетенными народами права на самоопре-

¹⁰ Международная жизнь НКВД № 6. 1922 // Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 51

¹¹ Международная жизнь НКВД № 6. 1922 // Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 52.

деление. Причем систему представительства на таких конференциях следовало, по мнению российской делегации, изменить: к участию предлагалось привлечь рабочие организации. Советская декларация содержала требование пересмотра устава Лиги наций «с целью превращения ее в настоящий союз народов, без господства одних над другими» [3, с. 194].

Программа, с которой советская делегация прибыла в Геную, носила комплексный характер. С одной стороны, Россия была заинтересована в получении кредитов и развитии торговли с Западом, а с другой – требовалось убедить общественное мнение европейских стран в серьезности намерений Москвы строить отношения на принципе мирного сосуществования¹². Это должно было вывести Россию из международной изоляции. Чичериным были изложены следующие положения: 1) на Генуэзской конференции и на всех последующих многосторонних встречах должны быть представлены все страны: победившие и побежденные (в Первой мировой войне), сильные и слабые, большие и малые, капиталистические и социалистические; 2) Лига наций должна руководствоваться принципом политического равенства государств; 3) на страны, участвующие в международных конференциях и комиссиях, не должно оказываться никакого давления; 4) сотрудничество между «сильными» и «слабыми» государствами должно осуществляться на основе доброй воли, без применения силы и санкций; 5) альтернативой насильственным методам должны быть дипломатические методы и моральный авторитет; 6) сильные и богатые государства должны помочь слабым странам, еще не создавшим современного индустриального хозяйства; 7) необходимо разоружение всех стран в качестве предпосылки избежания новой войны [16, с. 66].

Выступление Чичерина вызвало отрицательную реакцию делегации Франции, протестовавшей против предложений о всеобщем разоружении. Луи Барту резко выступил против включения этого вопроса в повестку дня конференции. Чтобы не провоцировать осложнений и провала конференции, учитывая, что позицию Барту относительно разоружения разделяли руководители всех стран Антанты, Чичерин не настаивал на немедленном обсуждении вопроса о всеобщем разоружении [3, с. 199–202]. Российская делегация и не надеялась на возможность включения этого вопроса в повестку дня конференции, предвидя позицию делегаций западных стран. Так, после заседания 10 апреля Чичерин писал в НКВД, что вследствие нежелания другой стороны обсуждать советскую пацифистскую программу «мы теперь поступаем так, как предполагалось с самого начала, будем просто вести переговоры о соглашении» [3, с. 207].

После торжественного открытия работа конференции была перенесена в комиссии: политическую, занимавшуюся «русским вопросом», финансовую, экономическую и транспортную. Комиссии были образованы в следующем составе: по два представителя от приглашающих держав и по одному от России, Германии и других государств. Но и в таком составе (более чем по 30 человек в каждой) комиссии оказались слишком громоздкими, из них были выделены подкомиссии по специальным вопросам. В первой комиссии была создана подкомиссия, которая, в свою очередь, создала комитет экспертов по «русскому вопросу». Финансовая комиссия образовала три подкомиссии: денежного обращения, кредитную и валютную. Экономическая комиссия выделила две подкомиссии по разным статьям доклада лондонского комитета экспертов; три подкомиссии (организационная, железнодорожная и водных путей) работали в транспортной комиссии [3, с. 730].

Работа форума в целом проходила на трех пленарных заседаниях и заседаниях этих комиссий и подкомиссий под знаком дискуссий по экономическим вопросам. Особое внимание привлекала к себе подкомиссия политической комиссии, в которую вошли по одному представителю от пяти приглашающих государств (Франции, Великобритании, Италии, Японии и Бельгии), от Германии, от России, Польши, Румынии, Швеции и Швейцарии. Эти 11 человек, по представлению Ллойд Джорджа, должны были играть роль своеобразного высшего руководящего органа конференции, нечто вроде преобразованного (привлечением побежденных и нейтральных стран) Верховного совета. Председателем подкомиссии был избран министр иностранных дел Италии К. Шанцер. По поводу представителей Румынии и Японии в подкомиссии Чичерин выразил протест против их «анормального» участия в связи с оккупацией Румынией Бессарабии, а Японией – союзной России Дальневосточной Республики [3, с. 208].

11 апреля 1922 г. состоялось первое заседание политической подкомиссии, главной задачей которой было рассмотрение «русского вопроса». За основу его обсуждения Ллойд Джордж предложил доклад, выработанный в Лондоне союзными экспертами. Именно тогда

¹² АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 8. Д. 19. Л. 11-8

Лондонский меморандум был впервые вручен советской делегации. От правительства России в нем требовалось взять на себя все финансовые обязательства царского и Временного правительств и вообще всех «бывших донине» властей, признать материальную ответственность за все убытки, понесенные иностранцами от действий советского правительства и его предшественников, и возратить национализированные предприятия. В меморандуме содержалось и требование отмены монополии внешней торговли, и установление для иностранцев исключительного режима, и контроль держав Согласия над советскими финансами. В лондонском документе говорилось, что «русский вопрос» рассматривается как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения условий, необходимых для восстановления России [3, с. 245]. Чичерин потребовал время для его изучения советским правительством.

Западные эксперты в Генуе не рассматривали ни вопрос о характере документа, посредством которого эти условия могли бы быть проведены в жизнь, ни вопрос о связанных с ним постановлениях, ни вопрос о связи меморандума с существовавшими торговыми соглашениями с Россией. Эти вопросы, как и некоторые другие, были оставлены в стороне, как политические.

Второе заседание подкомиссии состоялось через 10 дней – 21 апреля. Между тем время, которое потребовалось советской делегации для ответа, и сделанные ею публичные заявления о неприемлемости для России принципов, установленных в Лондоне, побудили Ллойд Джорджа прибегнуть к методу предварительных частных переговоров с русскими делегатами. Дальнейшее развитие событий показало, что центр обсуждения и принятия решений по «русскому вопросу» переместился из политической комиссии в частные совещания.

Поняв, что ситуация развивается не по сценарию стран Согласия, глава британской делегации сменил формат общения и пригласил российскую делегацию в свою резиденцию на виллу Альбертис для неофициальной встречи. 14 апреля 1922 г. Чичерин, Литвинов и Красин прибыли на виллу британского премьер-министра, где Ллойд Джордж, Л. Барту, а также представители Бельгии и Италии (К. Шанцер и А. Жаспар) потребовали от них принять все условия Лондонского меморандума. В ответ на ультиматум Антанты признать долг в 18,5 млрд зол. рублей российские представители выдвинули контрпретензии, предложив странам Антанты возместить России потери, связанные с интервенцией и экономической блокадой в размере 39 млрд золотых рублей [3, с. 295, 732]. Советская сторона категорически отвергла требования бывших союзников о возвращении военных долгов, справедливо заявив, что Россия оплатила их на полях сражений кровью миллионов своих солдат, и победа Антанты без ее участия в войне была бы невозможна. Предложение ввести в Советской России долговую комиссию и третейские суды рассматривалось как покушение на ее суверенную власть; сумма процентов, которые она должна была бы уплатить, равнялась всей сумме довоенного экспорта России – без малого полтора миллиарда рублей золотом; категорические возражения вызывала и реституция национализированной собственности [4, с. 174–175].

На вилле Альбертис фигурировала сумма российских претензий даже не 39, а 50 млрд золотых рублей [3, с. 732]¹³. Помимо суммы в 39 млрд зол. рублей, имелся ущерб, не поддававшийся точному учету, вместе с которым общая сумма советских контрпретензий и достигала не менее 50 млрд зол. рублей. Видимо, эта величина включала требования России от ущерба, причиненного за годы Первой мировой войны, которые должны были бы покрываться немецкими репарациями, в итоговую сумму была включена и денежная оценка некоторых ее территориальных потерь. Западные делегаты сочли советские претензии чрезвычайно завышенными. Озвученная М. Литвиновым сумма в 50 млрд золотых рублей была «совершенно непостижимой». Для заявки такой суммы, как сказал Ллойд Джордж, не стоило ехать в Геную [11, с. 53]. При обсуждении военных долгов он предлагал определить круглую сумму, подлежащую уплате за причиненные России убытки. Его предложение сводилось к тому, чтобы претензии частных лиц не противопоставлять государственным контрпретензиям; за советские контрпретензии списать военные долги; согласиться на сдачу промышленных предприятий прежним владельцам в долгосрочную аренду вместо реституции [4, с. 175].

Советскую делегацию такая сделка не удовлетворяла: сумма советских контрпретензий была значительно больше военных долгов, к тому же Россия считала себя свободной от обязательства по военным долгам из-за отказа от германских репараций. Совещание это выявило резкое расхождение во взглядах на уплату долгов и на возмещение убытков иностран-

¹³ Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 69

цев в России между советской делегацией и представителями Антанты. Решено было на следующий день, 15 апреля, провести встречу русских экспертов с экспертами Антанты, после которой предстояло сформулировать ответ российской стороны. Ллойд Джордж и Шанцер подчеркнули, что его содержание решит судьбу конференции, а в случае непримиримости русских возможен разрыв¹⁴.

Во время перерыва советские делегаты были приглашены Ллойд Джорджем на завтрак. Барту, Шанцер и Жаспар от присутствия на завтраке уклонились. «Преследуя все ту же цель – ничем не уклониться в нашем поведении от проявления готовности к соглашению и дружелюбию, – писал Чичерин в Коллегию НКВД, – мы остались завтракать вместе с Ллойд Джорджем. Во время кофе, после завтрака, Ллойд Джордж предложил, чтобы английский министр торговли сэр Сидней Чапман и кто-нибудь от нас попытались выработать согласительную формулу»¹⁵. Российская делегация направила на переговоры М. Литвинова.

Заседания возобновились после долгого ожидания Чапмана и Литвинова, которым, однако, не удалось достичь соглашения. Дальнейшую дискуссию Чичерин назвал довольно бесвязной, причем Ллойд Джордж хотел ультимативно поставить вопрос о немедленном принятии требования союзников. По его мнению, претензиям частных лиц не могли быть противопоставлены государственные претензии, то есть, писал Чичерин, «мы должны уплачивать иностранным частным лицам – кредиторам и иностранным частным лицам – владельцам национализированной собственности, независимо от каких-либо обязательств между правительствами, и что, следовательно, наши контрпретензии не могут покрывать наших обязательств перед частными лицами-иностранцами»¹⁶. Как оказалось, Чапман и Литвинов разошлись во мнениях не в этом вопросе, а в вопросе о том, что именно передать комиссии, созданной для разработки «русского вопроса». Заседание вновь было прервано для того, чтобы переговорщики в очередной раз попытались договориться или, по крайней мере, четко сформулировали объект разногласий. В результате, по выражению Чичерина, они приняли «ничего не значащую бумажку, которая включала в себя решение созвать на следующий день маленькую комиссию экспертов с обеих сторон без составления общего плана взаимных претензий»¹⁷. 15 апреля встреча прошла при участии экспертов, которые и должны были выработать «согласительную формулу». На этом совещании Литвинов, в ответ на предъявленные России требования, изложил контрпретензии, сводившиеся к требованию возмещения России убытков в сумме около 35 миллиардов золотых рублей за разрушение и потери, произведенные союзнической интервенцией и блокадой, и в сумме около 15 миллиардов золотых рублей за отторжение Бессарабии¹⁸. На вечернем заседании российские представители заявили, что сумма эта может быть сокращена; на повторный вопрос союзников, принимает ли Россия Лондонский меморандум, ответили отрицательно. В результате русской делегации была дана новая отсрочка до получения дополнительных инструкций из Москвы.

Если к соглашению прийти не удастся, констатировал Ллойд Джордж, то союзники «сообщат конференции, что им не удалось договориться и что нет смысла дальше заниматься русским вопросом» [4, с. 177]. В заключение английский премьер-министр внес следующие, согласованные с другими западными представителями, предложения: 1. «Союзные государства-кредиторы, представленные в Генуе, не могут принять на себя никаких обязательств относительно претензий, заявленных Советским правительством». 2. «Ввиду <...> тяжелого положения России государства-кредиторы готовы сократить военный долг России <...> (в размере определенного процента, который должен быть установлен впоследствии)». Страны также «готовы рассмотреть <...> вопрос об отсрочке выплаты процентов по финансовым требованиям <...> и об аннулировании части просроченных или отсроченных процентов». 3. «Советскому правительству не может быть сделано никаких скидок в отношении: а) как долгов и финансовых обязательств, право требования по которым принадлежит иностранным гражданам, б) так и прав этих граждан на возвращение им их имущества и компенсацию за ущерб, нанесенный этому имуществу, или его утрату» [3, с. 260–261].

Такой вариант соглашения советскую делегацию не устраивал. Барту и Ллойд Джордж, в свою очередь, неоднократно заявляли на вилле, что встречные требования делегации Рос-

¹⁴ Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23(Д-3). Л. 69

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 144

¹⁶ Там же. Л. 145

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 145

¹⁸ Международная жизнь НКВД № 7. 1922 // Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 69

сии обрекают конференцию на провал. Однако, благодаря достаточно гибкой позиции советской делегации, до прекращения работы Генуэзской конференции дело не дошло, но и встречные претензии ими не были сняты. Чичерин считал, что союзники действительно не могли согласиться на признание российских претензий за интервенцию, так как это значило бы признать себя побежденными или виновными¹⁹. Примечательно, что советская делегация во время переговоров не настаивала на «монетизации» своих встречных требований к бывшим союзникам, предлагая суммы своих претензий конвертировать в выплаты зарубежным частным кредиторам из бюджетов союзных государств.

Главный водораздел, по которому проявилась несовместимость позиций советской делегации, с одной стороны, и ее оппонентов, с другой, был таким: западные партнеры ультимативно требовали от России признать и компенсировать все зарубежные долги царского и Временного правительств, принять на себя ответственность за все убытки иностранных граждан от действий или упущений советского или предшествующих ему правительств или местных властей (сумма российских долгов по этим категориям оценивалась ими в 18,5 млрд золотых рублей) [3, с. 241; 16, с. 67]; возратить иностранным владельцам все национализированные в России предприятия; создать международную комиссию для рассмотрения вопросов о порядке и способах возмещения российских долгов; отменить монополию внешней торговли в РСФСР и установить в России для иностранных подданных режим, не подконтрольный со стороны советской власти; не допускать со стороны Москвы никакой «антисобственнической пропаганды» [3, с. 245–253].

Отвергая большинство из выдвинутых ей требований, делегация РСФСР 20 апреля 1922 г. выступила с меморандумом, в котором заявлялось, что предпосылкой нормальных экономических связей России со странами Запада должно стать признание советского правительства де-юре и отказ от попыток навязать Москве «систему капитуляций». Вместе с тем советская сторона изъявляла готовность «признать за пострадавшими гражданами право на возмещение убытков, однако при неперемennom соблюдении условий взаимности» [3, с. 239–240]²⁰. Вопрос о признании Советской Россией государственных и частных долгов не следовало увязывать с вопросом о дальнейшем торгово-экономическом сотрудничестве. Само по себе признание или непризнание долгов, возникших до прихода к власти большевиков, не могло повлиять на приток капиталов в Советскую Россию. Он зависел исключительно от гарантий советского правительства. Российская делегация считала, что надо заключать торговые и кредитные соглашения со странами Запада, а вопрос о взаимных требованиях прошлых лет следует решать параллельно.

В результате встреч на вилле Альбертис Г. В. Чичерин 20 апреля направил Ллойд Джорджу письмо по поводу предложений союзных правительств, сделанных ими 15 апреля [3, с. 259–260]. В письме было подчеркнуто, что советское правительство «не сможет взять на себя никаких обязательств в отношении долгов своих предшественников, пока оно не будет признано де-юре заинтересованными державами» [3, с. 260]. Между тем Чичерин писал, что российская делегация готова сделать еще один шаг для урегулирования разногласий и принять пункты 1, 2 и 3а предложений стран Согласия при условии аннулирования военных долгов и просроченных или отсроченных процентов по всем долгам, а также оказании финансовой помощи России.

Перед вторым заседанием подкомиссии первой комиссии утром 21 апреля письмо Чичерина было обсуждено на совещании всех ее членов за исключением представителей Советской России и Германии. Собравшаяся в тот же день на заседание в полном составе подкомиссия учредила по предложению Шанцера комитет экспертов по «русскому вопросу». Создан он был, в первую очередь, для рассмотрения письма Чичерина. В комитет вошло по одному представителю от каждой приглашающей страны, от Советской России и два представителя от нейтральных государств (делегат Голландии) и от государств Малой Антанты (делегат Чехословакии) [3, с. 731–732]. Российская делегация с созданием комитета экспертов согласилась. Однако делегация Великобритании совместно с представителями других западных стран не только не стремилась найти практическое решение выдвинутых в письме Чичерина вопросов, но даже отступила от достигнутой ранее договоренности принять письмо в качестве основы дальнейших переговоров, настаивая на обсуждении Лондонского меморандума. Они

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 145

²⁰ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 39. Л. 1-10; Там же. Д. 40. Л. 1-9.

упорно уклонялись от обсуждения вопроса о предоставлении России финансовой помощи, не приняв предложения советской делегации о создании с этой целью подкомиссии, которая могла бы работать параллельно с комитетом экспертов.

Дальнейший ход дискуссии на Генуэзской конференции, а также неофициальные встречи и беседы между делегатами по главной проблеме – возмещения «на основе взаимности» убытков, понесенных иностранными гражданами, и, в свою очередь, убытков, понесенных Советской Россией, – были безрезультатны.

Представитель Италии Юнг в разговоре с главой советской делегации Чичериным охарактеризовал ход конференции как «гомеопатическое лечение»²¹. Действительно, сначала «русский вопрос» был отправлен в первую политическую комиссию, затем в политическую подкомиссию, где по предложению Ллойд Джорджа в качестве базиса для дискуссий был роздан меморандум лондонских экспертов. Причем, как следует из сообщения Чичерина в Коллегию НКВД 15 апреля 1922 г., представители великих держав оговорили неофициальный характер меморандума, заявив, что меморандум их не связывает и является лишь частным мнением экспертов, но что, к сожалению, нет другого базиса для переговоров²². Из неофициальных разговоров с Уайзом (близким к Ллойд Джорджу) и Юнгом (близким к К. Шанцеру) выяснилось, как писал далее Чичерин, «как далеко отстают наши максимально возможные уступки от самых минимальных требований Антанты»²³.

После неудачной попытки Запада навязать Советской России условия Лондонского меморандума был подготовлен в тайне от российской делегации и представлен Чичерину меморандум союзных держав от 2 мая 1922 г. (ответ на советский меморандум 20 апреля), которому предшествовало два проекта документа: более компромиссный английский и жесткий, ультимативный по отношению к Советскому государству – французский. Меморандум от 2 мая предъявлял России ряд условий для ее восстановления, содержащихся в 13 статьях [3, с. 373–378]. Так, статья 1 обязывала Советское правительство не вмешиваться во внутренние дела других стран, не нарушать политический и территориальный статус-кво в других государствах, не оказывать там помощь революционным движениям. Согласно 2-й статье меморандума, Советское правительство должно было признать все долги и государственные обязательства императорского или Временного правительств, или его самого по отношению к иностранным державам. В статье подчеркивалось, что союзники лишены возможности признать ответственность, возлагаемую на них Российским правительством за убытки и ущерб, понесенные в России за время революции после войны [3, с. 375]. Все долги Советского правительства или его предшественников иностранным гражданам были отнесены к категории частных долгов. Статья 4-я требовала выполнения Советским правительством всех финансовых обязательств его и его предшественников по отношению к иностранцам. Однако после трудных согласований единого варианта меморандум так и не был подписан французами. В кулуарах конференции шли разговоры о распаде Антанты, о том, что Франция может покинуть форум досрочно, а Великобритания пойти на сепаратные договоренности с Россией. С большим трудом американскому послу в Италии, присутствовавшему на конференции в качестве наблюдателя, Чайлду удалось примирить англичан и французов – главных держателей внешнего долга России.

После изучения меморандума от 2 мая, не содержащего справедливого решения русской проблемы, советская делегация, в свою очередь, представила меморандум 11 мая, в котором отмечалось, что решение «русского вопроса» не продвинется ни на шаг, пока собравшиеся в Генуе державы не проникнутся идеей, что жертвы, которые они требуют от России, должны, в свою очередь, вызвать подобные же жертвы и с их стороны [3, с. 364]. Однако обмен меморандумами не привел к компромиссному решению сторон. Советские представители не настаивали в ультимативной форме на выполнении своих контрпретензий, предложив «нулевой вариант» – взаимный отказ от любых претензий. В тех случаях, когда «нулевых вариантов» достичь не удастся, было бы целесообразно, по их мнению, введение моратория на погашение страной-должником сальдо взаимных требований на время восстановления ее своей экономики.

При определенных условиях Советская Россия готова была пойти на признание части военных долгов, разбив их на две категории: *первая* – долги, образованные кредитами, которые

²¹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 151

²² Там же. Л. 143

²³ Там же.

Российская империя брала исключительно на государственно-административные цели. Их РСФСР отказывалась признавать по политическим и идеологическим причинам (например, долги по кредитам, которые использовались для подавления революционного движения в 1905–1907 гг.). *Вторая категория* – долги по кредитам, которые прямо или косвенно способствовали экономическому развитию России (кредит на железнодорожное строительство, выкуп государством частных железных дорог и др.). По таким кредитам Советская Россия готова была признать свои обязательства. Но главными условиями для этого были предоставление России длительной отсрочки в обслуживании и погашении довоенных долгов и предоставление западными странами новых долгосрочных кредитов на льготных условиях (по процентной ставке и срокам погашения) на восстановление разрушенного хозяйства страны.

От долгов военного времени Советская Россия отказалась. Решение это обосновывалось ее отказом от своих прав на репарации от Германии согласно статье 116 Версальского мирного договора. Советская делегация на Генуэзской конференции отмечала, что значительная часть бюджетов победивших стран покрывалась за счет репарационных платежей (особенно бюджета Франции, опасавшейся, что Советская Россия поднимет вопрос о своих правах на репарации). Делегация РСФСР еще раз подтвердила, что отказывается от своих прав на репарации [3, с. 240]. Отказ от погашения военных долгов российской делегация аргументировала и тем, что русский народ принес в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе, он понес огромный имущественный ущерб и в результате войны потерял крупные и важные для его государственного развития территории. И после того как остальные союзники получили по мирным договорам громадные приращения территорий, крупные контрибуции, с русского народа хотят взыскать издержки по операции, оказавшейся столь прибыльной для других держав. Российская делегация призывала всех членов конференции оценить всю непоследовательность и необоснованность подобного требования. Советская делегация на конференции достаточно уверенно отстаивала свое право не платить долги по военным кредитам, поскольку на тот момент в Европе мало кто это делал.

Советская Россия проявила готовность идти на компромисс и в вопросе по национализированному имуществу иностранных собственников. Отвергнув предложения, которые содержались в Лондонском меморандуме экспертов (реституция, т. е. восстановление имущественных прав иностранцев на предприятия, недвижимость и иные национализированные советской властью активы, возмещение убытков иностранным владельцам в случае нежелания Советского правительства осуществлять реституцию или по причине физической утраты имущественных объектов), советская делегация выдвинула предложение по передаче в аренду (концессию) прежним собственниками тех имущественных объектов, которые принадлежали им до национализации.

На Генуэзской конференции также рассматривался вопрос стабилизации денежных систем и восстановления международной валютно-финансовой системы. Однако никаких международных договоров и соглашений в сфере валютно-финансовых отношений заключено не было [5, с. 160]. Предметом дискуссий был также вопрос о восстановлении «золотого стандарта» на уровне отдельных стран и в международных масштабах. РСФСР в 1922 г. еще не имела четкого понимания, как будет организована ее денежная система (денежная реформа в СССР начала проводиться в 1923 г.). Видимо, во время Генуэзской конференции идеальной денежной системой советской делегации виделась система «золотого стандарта». А для этого нужно было золото, которого у России почти не было [6, с. 48–162].

От общих принципов восстановления послевоенной экономики делегация РСФСР переходила к конкретным просьбам о предоставлении Советской России кредитов и займов как для восстановления денежного хозяйства, так и для развития промышленности и сельского хозяйства. Выражалась прямая заинтересованность в золотых кредитах Государственному банку РСФСР [5, с. 103–104; 12, с. 378]. Предложения советской делегации были изложены в письме на имя председателя финансовой комиссии Генуэзской конференции от 3 мая 1922 г. В основе этих предложений был доклад об экономическом и финансовом положении России, представленный на заседании комиссии по кредитам 26 апреля. Согласно данным, приведенным в этом документе, общая сумма кредитов для нужд восстановления народного хозяйства советских республик ориентировочно определялась в размере 8797 млн руб. золотом. Полученные кредиты предполагалось вложить в течение 3–5 лет: в сельское хозяйство – 2797 млн руб. золотом; в промышленность – 1 млрд руб.; в транспорт – 5 млрд руб. [3, с. 740]. Сумма запрашиваемых кредитов была сопоставима с величиной долгов по кредитам царского и Вре-

менного правительств [5, с. 104]. В качестве гарантий кредиторам указывались общий доход и специальные статьи бюджета (таможенные доходы, производство платины, экспорт товаров), а также доля, причитавшаяся Советскому правительству от доходов концессий, которые оно могло бы предоставить иностранному капиталу.

На Генуэзской конференции России не удалось добиться получения даже незначительных кредитов. Формула стран Запада по вопросам кредитов Советской России – сначала Россия признает свои долги, затем пройдет обсуждение вопроса о новых кредитах. Попытка Великобритании и Франции при незримой поддержке со стороны США организовать против советской делегации блокаду выразилась в негласном запрете на заключение каких-либо сепаратных соглашений с РСФСР во время проведения конференции. Принципиальная позиция, занятая советской делегацией, содействовала углублению противоречий в позициях делегаций Англии и Италии, с одной стороны, и Франции, Бельгии и Японии, с другой, по вопросам о долгах свергнутых правительств, возврате предприятий и о кредитах. Это позволило расколоть западный блок.

Проведенные в Рапалло переговоры между наркомом Г. В. Чичериным и министром иностранных дел Германии В. Ратенау привели к заключению двустороннего договора между РСФСР и Германией 16 апреля 1922 г., после того, как зашли в тупик переговоры на вилле Альбертис. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между обоими государствами [3, с. 223–224]²⁴, взаимный отказ от возмещения военных расходов и убытков, затрат по содержанию военнопленных; германская сторона отказалась от претензий в связи с аннулированием старых долгов и национализацией иностранной, включая германскую, собственности в Советской России; обе стороны соглашались применять принцип наибольшего благоприятствования при урегулировании взаимных торговых и хозяйственных отношений.

Что же побудило руководство Наркоминдела и Политбюро сделать ставку на соглашение с Германией, находившейся в весьма трудном экономическом положении? Российский исследователь С. З. Случ справедливо отмечает, что это, «во-первых, осознание невозможности прорвать фронт держав-победительниц и прийти к соглашению с Англией, оценивавшей, хотя и не единодушно, в качестве “главного фактора” – ориентира европейской и даже мировой политики России. Во-вторых, с помощью Германии было легче прорвать капиталистическое окружение, поскольку она уже противостояла державам Антанты. В-третьих, только Германию в отличие от других европейских держав можно было заинтересовать сотрудничеством в военно-технической области» [18, с. 46].

Рапалльский договор не содержал никаких секретных статей по военному сотрудничеству. Первое из соглашений в этой области было заключено в конце ноября 1922 г. между фирмой «Юнкерс» и советским правительством [18, с. 48]. Однако возможности использования этого зарождавшегося вида сотрудничества в качестве фактора политического давления на немецкое правительство советские руководители осознали еще до Рапалло. Члены российской делегации по дороге на Генуэзскую конференцию встречались в Германии с рядом немецких политиков и дипломатов. Но тогда замысел Москвы – «нанести превентивный удар по фронту капиталистических держав до открытия Генуэзской конференции, заключив очередное сепаратное соглашение с Германией», – сорвался [18, с. 49]. И хотя сближение позиций по остававшимся спорными пунктам будущего соглашения произошло, Чичерин имел все основания для вывода: «У нас в Германии ничего не вышло» [3, с. 205]. Произошло это в значительной степени из-за разного отношения руководителей обоих государств к Генуэзской конференции. Для Германии важнейшей была проблема репараций, и решить ее можно было только путем соглашения, а не конфронтации с западными державами. Поэтому немецкие политические деятели не торопились заключать соглашение с Советской Россией, не желая конфликтовать с Западом. Москве же, считает Случ (и с ним можно согласиться), судьба Генуэзской конференции была не столь важна. Так, 7 февраля 1922 г. в письме Чичерину о директивах для советской делегации на конференцию Ленин писал: «Ни капли нам не страшен срыв: завтра мы получим еще лучшую конференцию. Изоляцией и блокадой нас теперь не запугаешь, интервенцией тоже» [9, с. 385]. Единственное, что волновало членов советской делегации, чтобы в случае срыва конференции это произошло «не на русском вопросе, а на каком-нибудь конфликте буржуазных государств между собой»²⁵.

²⁴ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 52. Л. 11-12.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 97

После Рапалло конференция продолжалась в обстановке подозрительности в отношении и Германии, и России. Ходили слухи о коммунистическом заговоре Советской России и III Интернационала, в котором Германии большевики отводили роль «базы в оперативных действиях против западных держав», о военных приготовлениях Москвы к мировой революции [19, с. 237]. Подписывая договор в Рапалло, Германия официально демонстрировала, что она признает Советскую Россию не только де-факто, но и де-юре. При этом сторонами была достигнута устная договоренность о проведении в будущем переговоров о расширении сферы действия договора, наряду с РСФСР, на другие советские республики. 5 ноября 1922 г. в Берлине был подписан соответствующий советско-германский договор, а в нотах, которыми обменялись 5–10 ноября германский канцлер и советский полпред в Германии, подтверждалось, что подписание договора от 5 ноября означает признание германским правительством де-юре правительств указанных союзных республик [3, с. 658–663]. Подписание Рапалльского договора, подчеркивалось в отчете НКВД, «ознаменовало собой поворотный пункт как во взаимоотношениях Германии и РСФСР, так и во вступлении последней на твердую почву полных дипломатических договоров с державами Запада» [13, с. 30]. 16 мая 1922 г. Рапалльский договор был ратифицирован Советской Россией, 4 июля 1922 г. – Германией.

Советско-германский договор обострил отношения между Англией и Италией – с одной стороны, и Францией – с другой. Чичерин писал 23 апреля 1922 г. в письме К. Радеку, что «Франция за последние дни держится более вызывающей тактики и хватается за мелочи, вроде нашего меморандума, чтобы устраивать скандалы. Ллойд Джордж заявил, что, если так будет продолжаться, он уедет и обратится ко всем народам Европы с декларацией, что восстановлению Европы мешает Франция»²⁶. Однако при личных встречах с членами российской делегации и в неофициальных разговорах Барту, по их рассказам, был демонстративно предупредителен и любезен. Чичерину он говорил, что всегда был сторонником соглашения с РСФСР и продолжает быть таковым, но ему мешают в Париже. В отличие от Барту, Ллойд Джордж, наоборот, подчеркивал единство фронта Антанты и на заседаниях на вилле Альбертис, в частности, демонстративно занимал более твердую позицию по отношению к русским. Но «это не мешает тому, что в общем ходе переговоров именно он посредничает между нами и Францией и играет роль арбитра», – писал нарком²⁷. Самым болезненным вопросом была компенсация частных собственников, позиции обеих сторон в этом вопросе были непримиримы. Чичерин считал, что настал момент для широкой агитации на эту тему и необходимо всеми доступными путями, «не от нашей делегации, а помимо нас, подчеркивать, что примирению мешают те акулы, которые требуют возвращения своей частной собственности или полной уплаты за нее»²⁸.

Российской делегации на конференции часто приходилось вести свою работу в условиях исходившего из Москвы «директивного прессинга». Политбюро ЦК неоднократно телеграфировало Чичерину и всем советским делегатам в Геную, предписывая им занимать исключительно твердую позицию и не идти ни на какие уступки западным странам, какими бы «привлекательными» иногда не казались их контрпредложения. Так, по проблеме погашения долгов российским делегатам предписывалось идти на переговоры только в том случае, если до этого представители европейских стран согласятся на фиксацию твердой договоренности о предоставлении Советской России крупных финансовых займов на льготных условиях для восстановления экономики [14, с. 135]. Однако западные представители соглашались вступать в такие переговоры только после согласия российской стороны гарантировать погашение довоенных и военных долгов России. Тем не менее в целом, по мнению М. Литвинова, в Генуе создалась обстановка гораздо более благоприятная, чем ожидалось. «Союзники готовы на далеко идущие уступки, – писал он 20 апреля 1922 г. в Коллегию НКВД, – но предел этих уступок весьма еще далек от нашего предела и шансы на соглашение также невелики...»²⁹

Делегация России заявляла, что не может принимать любые обязательства по долгам царского и Временного правительств, то есть те обязательства, которые она заведомо не сможет выполнять по экономическим причинам. Отказываясь от полного или частичного погашения внешних обязательств, возникших до октября 1917 г., советская делегация апелли-

²⁶ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 154

²⁷ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 154

²⁸ Там же. Л. 155

²⁹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 5. П. 1. Л. 12

рвала к исторической и юридической стороне вопроса. Она напоминала о том основном принципе права, что революции, составляющие насильственный разрыв с прошлым, несут с собой новые правовые условия внутренних и внешних отношений государств. Правительства и режимы, вышедшие из революции, не обязаны соблюдать обязательства свергнутых правительств. Апеллировала советская делегация и к юридическому понятию «форс-мажор», снимающему частично или полностью ответственность сторон договоров за выполнение своих обязательств [3, с. 367]. Советская делегация напомнила и о таком принципе, как равные права зарубежных держателей долговых и иных требований перед отечественными гражданами. Признав свои обязательства перед иностранцами, советскому государству пришлось бы признавать аналогичные обязательства перед своими физическими и юридическими лицами, а их было значительно больше.

19 мая 1922 г. состоялось последнее пленарное заседание Генуэзской конференции, на котором были обсуждены доклады и приняты резолюции экономической и первой – политической комиссий. В докладе экономической комиссии рассматривались вопросы таможенной политики, торговых договоров и конвенций; вопросы защиты промышленной, литературной и художественной собственности; вопросы сельского хозяйства и вопросы труда [12, с. 399–413]. По докладу политической комиссии было принято, в том числе и российской делегацией, постановление, состоявшее из 6 пунктов: 1) создать комиссию, которая рассмотрит существовавшие между Советским Российским правительством и правительствами других стран разногласия, а также вступит в контакт с Русской комиссией, имевшей такие же полномочия; 2) не позднее 20 июня правительству России сообщить о назначении державами, представленными в Нерусской комиссии, имен членов комиссии, и на началах взаимности имена членов Русской комиссии сообщить другим правительствам; 3) определить круг вопросов, подлежащих обсуждению этими комиссиями: долги, частная собственность и кредиты; 4) обязать членов обеих комиссий быть в Гааге к 26 июня 1922 г.; 5) обеим комиссиям приложить усилия для достижения согласованных предложений по вопросам о долгах, частной собственности и кредитах; 6) для спокойной работы комиссий и восстановления взаимного доверия между Российским правительством и союзными с ним правительствами, с одной стороны, и другими правительствами – с другой, заключить соглашения, обязывающие воздерживаться от актов нападения против территорий, взаимно им принадлежащих, и от всякой подрывной пропаганды [3, с. 408].

О месте будущего совещания Русской и Нерусской комиссий велись оживленные прения на заседании политической подкомиссии за два дня до закрытия конференции. Чичерин возражал против выбора Гааги, рассматривая как явное доказательство враждебности со стороны голландского правительства тот факт, что оно не установило никаких отношений с советским правительством [3, с. 394–395, 400]. Ллойд Джордж отметил, что Гаага была выбрана, как город, имевший международную традицию и представлявший удобство для большинства участников конференции³⁰. На выбор Гааги российская делегация согласилась после объяснения Шанцера, что приглашение голландским правительством Советской России означает его фактическое признание, и уверений голландского делегата о предоставлении российской делегации в Голландии обычных дипломатических прав и привилегий³¹. Таким образом, обсуждение поднятых в Генуе вопросов было решено продолжить на следующей многосторонней встрече в Гааге в июне 1922 г.³²

Организаторы конференции считали наилучшим средством для успешного экономического восстановления Европы прямые отношения между Россией и европейскими странами и устранение возможности вооруженных конфликтов между ними. Однако решить русскую проблему – урегулирование экономических вопросов, связанных с государственными долгами, в частности вопросы по правам бывшей Российской империи, не удалось: признание долгов довоенного и военного времени советская делегация ставила в зависимость от предоставления ей кредитов; в вопросе о национализированном иностранном имуществе она не шла ни на какие уступки. В течение всех переговоров она настаивала на взаимности и равноправии, но неизменно заявляла протест против всякого рода вмешательства во внутренние дела России.

³⁰ Научный архив ИРИ РАН. Ф. 22. Оп. 1 Д. 22 (Д -3). Л. 117.

³¹ Там же.

³² АВП РФ. Ф. 418. Оп. 1. П. 7. Д. 74. Л. 2-3.

В Генуе возобладали неуступчивая франко-бельгийская позиция в отношении российских долгов над компромиссной линией Великобритании. Самые скромные претензии к России были у Италии, делегация которой наиболее последовательно высказывалась за нормализацию отношений. Позитивное значение для Советской России имели проведенные Чичериным в Генуе переговоры с итальянскими представителями, завершившиеся подписанием 24 мая 1922 г. советско-итальянской торговой конвенции. Однако из-за отсутствия политических статей советское правительство ее не ратифицировало. Позднее, в 1924 г., советско-итальянские переговоры привели к взаимному юридическому признанию и заключению приемлемой для обеих стран конвенции о торговле и мореплавании. Там же, в Генуе, в результате встреч Чичерина с чехословацким премьер-министром Э. Бенешем было достигнуто согласие по основным спорным вопросам отношений между двумя государствами. Договоренность была закреплена в заключенном в Праге 5 июня 1922 г. временном договоре, поднявшем на новую ступень торгово-экономические отношения между РСФСР и Чехословакией [8, с. 441].

После Генуи интенсивнее устанавливались внешнеэкономические связи, налаживалось экономическое сотрудничество Советской России, заключение ею торговых соглашений с различными государствами; по умолчанию шло признание государственной монополии внешней торговли; формально не стало и кредитной блокады России, хотя долгосрочных банковских кредитов ей по-прежнему не давали; активизировалась концессионная деятельность с участием иностранных компаний; создавались смешанные общества, такие как Русско-германское торгово-транспортное общество «Рустрозит», Германо-русское химическое акционерное общество и др. В целом, несмотря на то что Генуя не принесла Москве каких-либо конкретных результатов, в СНК и НКВД превалировала оптимистичная оценка этого форума, т. к. он закрепил признание РСФСР европейцами де-факто. Анализируя итоги конференции, Л. Троцкий писал: «...в Генуе мы отстаивали и отстаивали право Советской России на социалистическое развитие»³³. Генуэзская конференция стала в определенном смысле переломным моментом в становлении советской дипломатии. Впервые на представительном международном форуме Республика Советов смогла изложить свое политическое кредо, представить внешнеполитическую программу. Для Советской России Генуя означала прорыв дипломатической и политической блокады: страна возвращалась в ряды субъектов мировой политики.

Список литературы

1. Ахтамзян А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М., 1974.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961.
4. История дипломатии. М.-Л., 1945. Т. 3.
5. Катасонов В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015.
6. Катасонов В. Ю. Золото в экономике и политике России. М., 2009.
7. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
8. Кутовой Е. Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.-СПб., 2016.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М., 1974.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970.
11. Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963.
12. Материалы Генуэзской конференции. М., 1922.
13. Международная политика РСФСР в 1922 г. М., 1923.
14. Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004.
15. О'Коннор Тимоти Э. Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.
16. Очерки истории Министерства иностранных дел. Т. 2. М., 2002.
17. Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М., 1953.
18. Случ С. З. Германия и СССР в 1918–1939 гг.: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995.
19. Станков Н. Н. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии, 1918–1924. Волгоград, 2007.
20. Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969.
21. Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. М., 1922.
22. Kennan G. F. Soviet foreign policy, 1917–1941. Prinseton, N. J., 1960; Genoa, Rapallo, and European reconstruction in 1922 / ed. by Carole Fink, Axel Frohn. Wash., N. Y., 1991.

³³ АВП РФ. Ф. 0419. Оп. 1. П. 1. Д. 16. Л. 17

Heritage of the Empire: Soviet Russia on the International Genoa conference of 1922

N. E. Bystrova

Doctor of historical sciences, scientific secretary, Institute of Russian history.
Russia, Moscow. E-mail: iriran@mail.ru

Abstract. The article on the new archival material shows little-known aspects of the diplomatic background and history of the Genoa conference of 1922, which was the first serious attempt to normalize political and economic relations between Soviet Russia and Western countries after the world war. The lesson and experience of Genoa have not lost their relevance, leaving analogies to the present; the desire to overcome the ideas of confrontation and the creation of a new world order also remains relevant in the XXI century.

The article shows the preparatory work on the development of tactics of the Russian delegation, its program, in particular, the search for the boundaries of possible concessions by Soviet Russia to the requirements of European powers as conditions for providing financial assistance to it; the essence of tactical disagreements of Western powers in the assessment of the "Russian question" is transferred. The Russian Empire collapsed in 1917, but its debts remained. The author highlights the confidential negotiations of the Soviet delegates at the conference on the debts of the tsarist and Provisional governments of Russia with the heads of Great Britain, France, Italy and Belgium at Villa Albertis, as well as the Soviet-German Rapallo Treaty – the first major breakthrough in the trade and economic blockade of Soviet Russia, inherited the debts of the disappeared Empire.

It was not possible in Genoa to solve the Russian problem – the settlement of economic issues related to the state debts of the former Russian Empire and the Provisional government. The article shows that the recognition of debts of pre-war and wartime delegation of Soviet Russia was dependent on the provision of loans to it; on the issue of nationalized foreign property, it did not make any concessions. During all the negotiations, the Soviet side insisted on reciprocity and equality, but in advance protested against interference in the internal Affairs of Russia. Genoa got the better of the unyielding French-Belgian position concerning the Russian debt over the compromise line in the UK. The main issue of the Soviet government at this conference – the provision of loans – Western countries refused to discuss. For Soviet Russia the way of development of economic relations at the expense of fundamental economic and political concessions, on which the West insisted, was unacceptable. However, the Genoese conference was not fruitless for the New Russia: the country for the first time after the revolution, having overcome the blockade, returned to the ranks of subjects of world politics.

Keywords: Russian question, debts, counter-claims, Rapallo, peaceful coexistence.

References

1. Ahtamzyan A. A. *Rapall'skaya politika. Sovetsko-germanskie diplomaticheskie otnosheniya v 1922–1932 godah* [Rapallo policy. The Soviet-German diplomatic relations in the years 1922–1932]. M. 1974.
2. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 4. M. 1960.
3. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 5. M. 1961.
4. *Istoriya diplomatii* – History of diplomacy. M.-L. 1945. Vol. 3.
5. *Katasonov V. Yu. Genuevskaya konferenciya v kontekste mirovoj i rossijskoj istorii* [Genoese conference in the context of world and Russian history]. M. 2015.
6. *Katasonov V. Yu. Zoloto v ekonomike i politike Rossii* [Gold in the economy and politics of Russia]. M. 2009.
7. *Kissinger G. Diplomatija* [Diplomacy]. M. 1997.
8. *Kutovoj E. G. Mezhdunarodnye peregovory na perekrestkah civilizacij* [International negotiations at the crossroads of civilizations]. M.-SPb. 2016.
9. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Vol. 44. M. 1974.
10. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Vol. 45. M. 1970.
11. *Lyubimov N. N., Erlih A. N. Genuevskaya konferenciya (Vospominaniya uchastnikov)* [Genoa conference (Memories of the participants)]. M. 1963.
12. *Materialy Genuevskoj konferencii* – The materials of the Genoa conference. M. 1922.
13. *Mezhdunarodnaya politika RSFSR v 1922 g* – International policy of the RSFSR in 1922. M. 1923.
14. *Nezhinskij L. N. V interesah naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godah* [In the interests of the people or against them? Soviet international policy in the years 1917–1933]. M. 2004.
15. *O'Connor, Timothy E. Inzhener revolyucii. L. B. Krasin i bol'sheviki. 1870–1926* [Engineer of the revolution. L. B. Krasin and the Bolsheviks. 1870–1926]. M. 1993.
16. *Oчерки истории Ministerstva inostrannyh del* – Essays on the history of the Ministry of foreign Affairs. Vol. 2. M. 2002.
17. *Rubinstein N. L. Vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–1925 gg* [Foreign policy of the Soviet state in 1921–1925]. M. 1953.

18. Sluch S. Z. *Germaniya i SSSR v 1918–1939 gg.: Motivy i posledstviya vneshnepoliticheskikh reshenij* [Germany and the USSR in 1918–1939: Motives and consequences of foreign policy decisions] // *Rossiya i Germaniya v gody vojny i mira (1941–1995)* – Russia and Germany in the years of war and peace (1941–1995). M. 1995.

19. Stankov N. N. *Diplomaticheskie otnosheniya Vejmarskoj respubliki i Chekhoslovakii, 1918–1924* [Diplomatic relations of the Weimar Republic and Czechoslovakia, 1918–1924]. Volgograd. 2007.

20. Shishkin V. A. *Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg. Ocherki istorii stanovleniya ekonomicheskikh otnoshenij* [Soviet state and Western countries in 1917–1923. Essays on the history of economic relations]. L. 1969.

21. Shtein B. E. *Genuezskaya konferenciya* [The Genoa conference]. M. 1922.

22. Kennan G. F. *Soviet foreign policy, 1917–1941*. Prinseton, N. J., 1960; *Genoa, Rapallo, and European reconstruction in 1922* / ed. by Carole Fink, Axel Frohn. Wash., N. Y., 1991.